

А. В. КУБАСОВ

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

ORCID ID: 0000-0001-9074-1133

УДК 821.161.1-32(Чехов А. П.)

DOI 10.26170/ufv20-04-08

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ВСТРЕЧА»

Памяти Анны Сергеевны Мелковой (1933-2012)

Аннотация. В статье рассматривается освоение А. П. Чеховым различных дискурсов и опыт включения их в преобразованном виде в ткань одного художественного произведения. Дискурсивные практики в рассказе «Встреча» обусловлены несколькими факторами. В начале 1887 года, когда рассказ создавался, Чехов внутренне готовился к сотрудничеству с авторитетными «толстыми» литературно-художественными журналами, для чего внимательно изучал публикуемые в них произведения. Одним из них стал очерк С. В. Максимова «Два пустосвята», опубликованный в журнале «Русская мысль» и посвящённый анализу жизни двух реальных преступников. Доказательством знакомства с очерком служит эпитафия к «Встрече», взятый из очеркового текста. В том же номере журнала, одновременно с очерком Максимова, была опубликована реферативная научно-популярная статья В. В. Лесевича «Экскурсии в область психиатрии», которую Чехов тоже принимал во внимание при создании рассказа. Дискурсивные практики, воплощённые в этих жанрах, найдут отражение в произведении Чехова. Столь же важен медицинский аспект во «Встрече», обусловленный событиями начала 1887 года. В январе состоялся второй съезд русских врачей, на котором присутствовал Чехов. Там он мог услышать доклад С. С. Корсакова, одного из основоположников русской психиатрии. Отдельные положения работ учёного, опубликованные в 1887 году, косвенно отражаются в анализируемом рассказе. Существенную роль в нём играет и биографический дискурс. Он связан с поездкой Чехова к брату Александру в Петербург во время эпидемии тифа. Встреча братьев имплицитно экстраполируется на встречу героев в рассказе. В итоге «Встреча» представляет собой не просто очередной текст в творческой биографии писателя, а образец освоения им разнородных дискурсов. Гетерогенные дискурсивные практики, связанные с жанрами очерка, научно-популярной статьи, специальной медицинской публикации и неординарного биографического события в пространстве рассказа подвергались «снятию», обогащали его содержание, обуславливали его внутреннее укрупнение.

Ключевые слова: русские писатели; литературное творчество; литературные жанры; литературные сюжеты; литературные образы; художественный дискурс; дискурсивные практики; рассказы; историко-культурный контекст; интертекстуальные связи.

Рассказ «Встреча», наряду с такими произведениями Чехова, как «Нищий», «Хорошие люди», «Казак», «Письмо», «Пари», обычно относят к так называемым «толстовским» рассказам писателя [Катаев 1989: 54; Чудаков 1986: 261]. Действительно, во «Встрече» ощутимо влияние этической системы Л. Н. Толстого. Один из главных героев рассказа, крестьянин Ефрем Денисов, по выражению В. Я. Лакшина, «этот чеховский Платон Каратаев» [Лакшин 1976: 30], собирающий с мира деньги на погоревший храм, на практике воплощает взгляды, близкие толстовской теории непротivления злу насилieм. Однако в рассказе Чехова содержатся адресные отсылки и к иным авторам и реальным личностям.

«Встреча» была опубликована в газете «Новое время» 18 марта 1887 года. Эпиграфом к рассказу послужила фраза из очерка С. В. Максимова «Два пустосвята», вышедшего в том же 1887 году в февральском номере журнала «Русская мысль» [Максимов 1887]. Комментируя рассказ в академическом собрании сочинений и писем Чехова, А. С. Мелкова так пишет о его связи с произведениями Л. Толстого и Максимова: «Образ Кузьмы Шквореня подсказан очерком С. В. Максимова <...>. Очерк этот появился, когда продолжалась полемика вокруг философских произведений Толстого, и, очевидно, был напечатан не без связи с ней <...>. Обращением к очерку Максимова Чехов как бы подтверждал собственные выводы о неприложимости к жизни теории непротivления. В этом рассказе – спор со сказкой Толстого “Крестник”, где праведник побеждает разбойника жалостью и любовью. Образ Ефрема перекликается с образами героев народных рассказов Толстого: Ефима (“Два старика”), Семена (“Чем люди живы”)) (С. 6, 646-647)¹. Иначе говоря, спор Чехова с Толстым оказывается не столько прямым, сколько опосредованным. В качестве опосредующего звена выбрано художественно-публицистическое произведение другого писателя, так что есть достаточные основания признать рассказ «Встреча» не только «толстовским», но и «максимовским».

¹ Здесь и далее цит. по: [Чехов 1983–1988] с указанием тома и страницы в тексте статьи. Серия писем отмечена П, сочинений – С. Курсив везде мой. – А. К.

Отношение между текстом-источником, откуда Чеховым взята фраза для эпиграфа, и «Встречей» не сводится лишь к объединению писателя с одним автором для идеологического размежевания с другим. Очерк Максимова «Два пустосвята» играет роль фонового диалогического произведения, в котором своеобразно сплавлены художественно-тематические элементы, которые были важны Чехову именно в это переходное для него время.

В 1887 году Чехов внутренне готовился сотрудничать с «толстыми» литературно-художественными журналами. Брату Александру он признавался в письме 17 января того же года: «Хочется работать покрупнее, или вовсе не работать» (П. 2, 15). Укрупнение предполагалось не только объёмное, внешнее, но и внутреннее, содержательное. Одной из форм подготовительной работы писателя, очевидно, были своеобразные литературные «упражнения» по интериоризации чужого журнального опыта. Можно сказать и так, что для Чехова это было время активного художественного самообразования, литературной учёбы на отдельных образцах современников. Жанровый состав «толстых» журналов конца XIX века был принципиально иной, чем юмористических изданий, активное сотрудничество с которыми у Чехова к этому времени закончилось. Писатель пытался расширить внутреннее пространство своих рассказов за счёт освоения «сопредельных территорий», занимаемых другими жанрами с другими типами дискурсов. Для этого должен был осуществляться своеобразный перевод с языка одного жанра на другой. Рассказ «Встреча» даёт возможность увидеть работу Чехова по привлечению содержательных ресурсов очерка, научно-популярной статьи и сугубо научных текстов для обогащения смысла рассказа.

Творчество Сергея Васильевича Максимова (1831–1901) Чехов высоко ценил. С его произведениями он познакомился, вероятно, ещё в юности. В февральском письме 1896 года брат писателя, Александр Чехов, описывая в постскриптуме юбилейный обед в Петербурге, на котором был Максимов, апеллирует к их общему апперцептивному фону: «Помнишь С. В. Максимова (Год на севере?). Вчера, после юбилейного обеда...» [Письма А. П. Чехову 1939: 322]. Чехов помнил Максимова хорошо.

В «Литературной табели о рангах», написанной годом ранее «Встречи», Максимов возведен в ранг «коллежского советника» и поставлен в один ряд с такими писателями, как Гаршин, Суворин, Глеб Успенский, Плещеев, Майков (С. 5, 143). Готовясь к поездке на Сахалин, Чехов изучал книгу Максимова «Сибирь и каторга» (1871). Последнее упоминание Чеховым старшего современника встречается в дневниковых записях 1897 года, где Максимов, наряду с Н. С. Лесковым, признается одним из знатоков «русской коренной жизни, ее духа, ее форм, ее юмора» (С. 17, 224). Что же могло привлечь Чехова в очерке Максимова?

При чтении «Двух пустосвятов» легко убедиться, что «Встреча» Чехова практически не имеет с очерковым журнальным текстом сходства в плане содержательном, сюжетно-композиционном, жанрово-стилевом или идеологическом. Повествование у Максимова ведётся от первого лица, а нарратор выступает по преимуществу в роли судии и свидетеля как прошлой, так и настоящей жизни своих героев, реальных лиц, а не вымышленных персонажей. В очерке дана развернутая характеристика одного преступника – Зыкова, на фоне другого преступника – Коренева. Они и названы «пустосвятами».

Современного читателя может остановить редкое слово, вынесенное в заголовок очерка Максимова. В словаре В. И. Даля оно трактуется следующим образом: «Пустосвят, кто поставляет сущность благочестия во внешних обрядах; ханжа, лицемер, суетный человек. Никита пустосвят, раскольничий глава» [Даль 1990: 541]. Иллюстративный пример из словарной статьи Даля весьма показателен: он отсылает не только к реальному лицу (имеется в виду суздальский священник Никита Константинович Добрынин, противник церковной реформы Никона), но также и к огромной, фактически последней, картине Василия Перова «Никита Пустосвят. Спор о вере» (1881), приобретенной П. М. Третьяковым. Картину Перова, кажущуюся «посторонней» по отношению к рассказу, нельзя сбрасывать со счетов, поскольку рассказ Чехова должен быть вписан в большой диалог 80-х годов позапрошлого века, который касался вопросов веры. Полотно Перова может и должно включаться в широкий историко-культурный контекст рассказа, связанный с толстовской проблематикой.

Говоря об истории создания и публикации «Встречи», стоит упомянуть о том, что рассказ не вошёл в собрание сочинений для издания А. Ф. Маркса. Одно из объяснений этого факта можно найти в письме А. С. Лазарева (А. Грузинского) Н. М. Ежову. Письмо написано две недели спустя после появления рассказа в газете «Новое время»: «“Встреча” – прекрасный рассказ (Чехову он не нравится, т. е. частью и совершенно верно, в чем: и мне, и ему не нравится мораль, приделанная в конце. – “Этого не должно быть. Мораль не должна выскакивать”, а должна уж если идти, так идти незаметно)» [Л. Н. Толстой и А. П. Чехов 1998: 210]. В приведённом отрывке особенно важно мнение Чехова, сохранённое памятью корреспондента. «Выскакивающую» во «Встрече» мораль читатели могли воспринять как непосредственное и прямое выражение позиции автора рассказа, тогда как она во многом стилизована, то есть сделана а la Толстой или Максимов. Чехову, видимо, не удалось найти такую форму объективации морали, чтобы дать почувствовать читателю чуждость автору открытого её представления.

Элемент общности затрагивает лишь смысловую периферию очерка Максимова и рассказа Чехова. В очерке Максимова про главного героя сказано: «Зыков был весьма дурен; вытянутая физиономия его походила на лошадиную» [Максимов 1887: 28]. Самый яркий фрагмент из описания внешности Зыкова Чехов как раз и использовал в качестве эпиграфа к своему произведению: «А зачем у него светящиеся глаза, маленькое ухо, короткая и почти круглая голова, как у самых свирепых хищных животных?» (С. 6, 117). Вслед за очеркистом Чехов акцентирует аномальный облик своего героя, который связан с медицинским аспектом рассказа.

Во «Встрече» у Кузьмы Шквореня, как и у героя очерка Максимова, тоже странная физиономия: «Ефрем раньше во всю свою жизнь не видал таких лиц. Бледное, жидковолосое, с выдающимся вперед подбородком и с чубом на голове, оно в профиль походило на молодой месяц; нос и уши поражали своей мелкостью, глаза не мигали, глядели неподвижно в одну точку, как у дурачка или удивленного, и, в довершение странности лица, вся голова казалась сплюснутой с боков, так что затылочная

часть черепа выдавалась назад правильным полукругом» (С. 6, 118). Подробное описание внешности героя воспринимается как не вполне чеховское. Писатель в большинстве случаев предпочитал давать «осколочные» портреты, с помощью деталей, рассредоточенных в тексте. Думается, что во «Встрече» Чехов следовал за поэтикой очерка, в котором, как правило, представлялся более или менее цельный подробный портрет героя, реального человека. В одном из писем к А. С. Суворину, делая замечания по поводу его романа «В конце века. Любовь», Чехов, в частности, заметил: «Да и кажется мне, что портреты живых могут украшать лишь газетные и журнальные статьи, но не вести» (П. 5, 90). Портрет преступника Зыкова, реального человека, как раз и «украшает» журнальный очерк Максимова. Художественная литература иначе представляет героя, чем публицистика. Кузьма Шкворень – не реальное лицо, а характер, тип, образ, поэтому Чехов вроде бы и идёт вслед за очерком Максимова, создавая странный портрет своего героя, но вместе с тем своеобразно перерабатывает его, меняя форму представления. Внешность Шквореня дана в восприятии другого героя, Ефрема, а не безличного повествователя. Внимание привлекает, прежде всего, странная конфигурация маленького черепа Кузьмы, данная в трёх проекциях: анфас, профиль и сзади. Создаётся впечатление, что на какое-то время перо у беллетриста забирает врач, собирающий анамнез болезни своего пациента.

Слова, взятые Чеховым для эпиграфа, по своему вкусу и тону выпадают из публицистического дискурса в очерке Максимова. Портрет пустосвята Зыкова в большей степени «художественный», чем «очерковый». Видимо, Чехов, обладавший тонким чувством слова, это заметил. Если Максимов включает в публицистический очерк элементы художественные, то Чехов в контекст своего рассказа – элементы очерковые. На наш взгляд, именно в этом ракурсе следует рассматривать функцию эпиграфа к рассказу «Встреча». Варианты, когда в очерковые тексты включается художественное начало, в практике Чехова неоднократно встречаются. Так, цикл очерков «Из Сибири» начинается сразу с диалога героев, то есть сильная текстовая по-

зиция задаётся по принципам художественного произведения, а не публицистического:

«– Отчего у вас в Сибири так холодно?
– Богу так угодно! – отвечает возница» (С. 14-15, 7).

Рассказ «Встреча», цикл «Из Сибири», да и книгу «Остров Сахалин» при всех их очевидных различиях можно рассматривать как опыты Чехова по интерференции художественного, публицистического и научного дискурсов, в результате чего происходило их комбинирование, взаимодействие и взаимовлияние.

Чехов пытается не столько подчеркнуть очерковое начало в своём произведении, сколько объективировать его. Кроме эпиграфа, маркером очерковости в рассказе является повышенная значимость описания как типа речи: «Дорога отлого спускалась вниз по бугру и потом убегала в громадный хвойный лес. Вершины деревьев сливались вдали с синевой неба, и виден был только ленивый полет птиц да дрожание воздуха, какое бывает в очень жаркие летние дни. Лес громоздился террасами, уходя вдали все выше и выше, и казалось, что у этого *страшного зеленого чудовища* нет конца» (С. 6, 117). «Встреча» начинается со скрытого смыслового переноса: в очерке Максимова «страшным чудовищем» признаётся человек, убийца, преступник и пустосвят, тогда как у Чехова – бескрайний лес, то есть природные условия, в которых приходится жить человеку. В этом видится полемика новеллиста с очеркистом и вместе с тем следование за стилизованной поэтикой натуральной школы, которая признавала социальные условия, детерминирующими личность человека.

Очерковое слово – это по преимуществу слово очевидца, свидетеля, участника события, аналитика или судии. Оно прямое и обычно не пропущено сквозь чужую преломляющую речевую среду. О нём можно сказать как о специфически «чистом», узуальном, «не пахнущем» чужими контекстами. В очерке автор выговаривается до конца. Для него в принципе не характерно оставлять смысловые лакуны, которые должен заполнить читатель. Поэтому в объёмном очерке Максимова представлено не только настоящее, но и прошлое героев, а также пространные

рассуждения автора по разным поводам. Выбранные фразы для эпиграфа к рассказу, возможно, потому ещё привлекли внимание Чехова, что их можно было трактовать в том числе и как преломленные сквозь чужесловесную речевую среду. Скорее всего, Чехов, хорошо знавший гоголевские тексты, мог заподозрить влияние на Максимова автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Ср. в «Вечере накануне Ивана Купала» портрет ведьмы: «...нос с подбородком словно щипцы, которыми щелкают орехи» [Гоголь 1966: 54].

Однако в главном Чехов всё-таки не отступает от поэтики рассказа. Субъектная организация во «Встрече» не очерковая. У Максимова одно воспринимающее сознание – нарратора-очеркиста, который стремится к правдоподобию и полноте раскрытия проблемы. В чеховском рассказе повествователь отказывается от избытка своего видения. Читателю предоставляется возможность как бы самому приобщиться к мировидению героя. Установка даётся на изображение событий сквозь призму воспринимающего сознания героя, Ефрема Денисова, чеховского «Платона Каратаева».

Максимов выговаривает о судьбе преступного Зыкова всё до конца: «... на каторге он не исправился. Он все тот же и теперь, каким был и в то время, когда тянули его за язык, именно в страшный день безжалостного убийства, над неостывшим еще трупом его жертвы» [Максимов 1887: 37]. Автор очерка считает «исправление» важным условием пребывания человека на каторге. Зыков сравнивается с другим преступником, вторым пустосвятом. Это некто Коренев, загубивший 18 душ. И хотя Зыков убил только одного человека, а второй является серийным убийцей, предпочтение отдаётся Кореневу, а не Зыкову. Нарратор прямо объясняет своё отношение: «Я всегда был твердо убежден, что из Коренева, *при благоприятных условиях жизни*, всегда мог выйти человек, хоть на что-нибудь годный; Зыков – безнадежно неисправим. Счастлива вся наша русская каторга именно тем, что таких отвратительных личностей попадается на ней очень мало» [Там же: 42]. Чехов опосредованно, через интертекст, будет полемизировать с очерком Максимова и авторской позицией, выраженной в нём.

У рассказа Чехова обнаруживаются ближний и дальний историко-культурные контексты. «Два пустосвята» Максимова, наряду с теорией непротivления Толстого, отразившейся в ряде его произведений, составляют ближний контекст, дальний связан с научными и научно-популярными текстами.

Напомним часто цитируемый фрагмент из автобиографии Чехова, где он писал: «Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность; они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня как для писателя может понять только тот, кто сам врач; они имели также и направляющее влияние, и, вероятно, благодаря близости к медицине, мне удалось избегнуть многих ошибок. Знакомство с естественными науками, с научным методом всегда держало меня настороже, и я старался, где было возможно, соображаться с научными данными, а где невозможно – предпочитал не писать вовсе» (С. 16, 271). «Встреча» даёт хорошую возможность показать, как Чехов старался «соображаться с научными данными».

В начале 1887 года сложился целый комплекс событий, подтолкнувший Чехова к созданию рассказа. 1 января этого года в гостях у писателя впервые побывал А. С. Лазарев (А. Грузинский), который передал одну из состоявшихся там дискуссий: «В споре с Курепиным Ч. “доказывал, что нужно хорошенько разобраться в толстовской теории сопротивления злу, а пока нельзя честно говорить ни за, ни против...”» [Летопись жизни и творчества Чехова 2000: 280]. В письме к М. В. Киселевой 14 января 1887 года будет высказан сходный подход к проблеме: «Подобно вопросам о непротivлении злу, свободе воли и проч., *этот вопрос может быть решен только в будущем*» (П. 2, 11). В начале марта 1887 года по дороге из Москвы в Петербург Чехов в очередной раз перечитывает «Анну Каренину» (П. 2, 36). Таков *бытовой* «толстовский» контекст рассказа. Кроме него, есть и медицинский, обусловленный общественными событиями: «4 января 1887 г. в Москве, в здании Дворянского собрания, открылся Второй съезд русских врачей имени

Н. И. Пирогова. Вступительный доклад делал Н. В. Склифосовский. С 4 по 11 января Чехов посещал заседания съезда» (П. 2, 345). 5 января 1887 года в Политехническом музее открылся первый съезд российских психиатров. Вряд ли и это событие ускользнуло от внимания Чехова, так что не без основания письмо 17 января 1887 года брату Александру он полушутя, полусерьезно подписал «Антоний и медицина Чеховы» (П. 2, 15).

Психиатрия интересовала Чехова больше, чем любая другая медицинская отрасль. Т. Л. Щепкиной-Куперник он советовал: «Изучайте медицину, дружок, если хотите быть настоящей писательницей. *Особенно психиатрию*. Мне это много помогло и предохранило от ошибок» [Щепкина-Куперник 1928: 317]. Важное свидетельство зафиксировано в мемуарах И. И. Ясинского: «Вы мне как-то рассказывали о каком-то адвокате, – признался мне Чехов, – который страдал тем, что мушкволант (летающие перед глазами мушки) разрасталась по временам в целую призрачную тень. <...> *Я подложил под этот факт медицинскую теорию*. Вообще, меня крайне интересуют всякие уклоны так называемой души. Если бы я не сделался писателем, *из меня вышел бы психиатр*, но должно быть второстепенный, а я психиатром предпочел бы стать первостепенным» [Ясинский 1926: 268]. Во «Встрече» под сюжетную фактологию Чехов тоже «подложил медицинскую теорию». Она связана с проблемами как психологии, так и психиатрии.

Русская психиатрия в 80-е годы XIX века переживала взрывной рост. Одним из ее основателей был Сергей Сергеевич Корсаков (1854–1900). В феврале 1887 года в «Вестнике клинической и судебной психопатологии и неврологии» выходит его первая большая печатная работа «Расстройство психической деятельности при алкогольном параличе и отношении его к расстройству психической сферы при множественных невритах неалкогольного происхождения» [Корсаков 1887а]. В том же 1887 году Корсаков опубликовал статью «К учению о патогенезе “атрофического спинального паралича” и “множественного неврита”» [Корсаков 1887б]. В сокращённом варианте материал статьи в качестве доклада был прочитан на Втором съезде русских врачей, заседания которого Чехов посещал.

Ряд деталей в описании поведения Кузьмы Шквореня имеет научную медицинскую основу, которая соотносится с работами Корсакова. При этом медицинский субстрат в рассказе передан средствами художественного дискурса. Особо подчеркнём, что в произведениях Чехова мы находим не болезни героев как таковые, а *художественные образы болезней, имеющие опору в научных исследованиях*. Уже после смерти писателя критик М. О. Меньшиков писал о симбиозе у него медицинского и художественного начал: «...Чехов в медицинское свое суждение влагал частичку тонкой художественной проницательности, и думаю, что он был прекрасным диагностом» [Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков 2005: 237]. Слова критика можно инвертировать, сказав в свою очередь, что в художественные суждения Чехов умел вложить тонкую медицинскую проницательность. Скорее всего, для Кузьмы Шквореня наиболее адекватным будет «диагноз» алкогольного паралича, полно описанный Корсаковым в его диссертации «Об алкогольном параличе», защищённой на степень доктора медицины в том же 1887 году: «Болезнь эта развивается большею частью у лиц, в продолжение долгого времени злоупотреблявших спиртными напитками, и притом большею частью тех из них, у кого существует невротическое предрасположение. <...> Вслед за действием того или другого повода болезнь открывается обыкновенно в сфере головного мозга; то это приступ галлюцинаторной спутанности, вроде белой горячки, то характерное расстройство памяти, то просто возбуждение и бессонница» [Корсаков 2010: 4].

Алкоголизм Кузьмы Шквореня очевиден. Украденные у Ефрема деньги он попросту пропивает в кабаке: «Чай... чай пил, – выговорил он сквозь смех. – Во... водку пил!» (С. 6, 124). Некоторые детали, характеризующие поведение героя, его речь, крупную моторику, соотносятся с положениями научных медицинских статей: «Лежал мужик непокойно: все время, пока рассматривал его Ефрем, он дергал то руками, то ногами, точно его донимали комары или беспокоила чесотка» (С. 6, 118). Переводя художественный дискурс в медицинский, можно сказать, что автор отмечает у героя гиперкинез, то есть патологические, произвольные судорожные движения. Ср. у Корсакова:

«...иногда поражение периферических нервов не доходит <...> до такой степени, чтобы проявляться в параличах, а проявляется только в форме атаксии (*neuro-tabes*) или неврастении, о которой мы упоминали, говоря об алкогольном отравлении» [Корсаков 1887 б: 20]. У Шквореня явно нарушена моторика, координация движений: «Кузьма шел рядом и слушал. *Был он трезв, но шел точно пьяный, размахивая руками, то сбоку телеги, то впереди...*» (С. 6, 120). У Кузьмы страдает не только двигательная сфера, но также и речь, патологически изменена эмоционально-волевая сфера.

Можно найти и другие психические и поведенческие девиации у Кузьмы Шквореня, которого простой мужик Ефрем, старающийся жить по христианским заповедям, просто не понимает, как не понимает Ефрема в свою очередь и Кузьма, но совсем по другой причине. Приведём фрагменты разговоров Ефрема с Кузьмой:

«– Несообразный ты... Какой-то ты такой, бог тебя знает...

– А что?

– А то... *На настоящего человека не похож... Зубы скалешь, болтаешь непутевое, да вот из арестантской идешь...*» (С. 6, 123).

«– Где ты был? – спросил Ефрем.

– Гы-ы! – засмеялся Кузьма. – Гы-ы!

Раз десять со своею странною, неподвижной улыбкой произнес он это «гы-ы!» и, наконец, затрясся от судорожного смеха» (С. 6, 124).

Создавая «Встречу», Чехов должен был решить сложную проблему: показать патологически изменённое сознание героя и при этом оставаться в границах художественного дискурса. Изображение больного должно было балансировать между точным клиническим описанием его и беллетристическим повествованием. Через несколько лет в письмах А. С. Суворину и Е. М. Шавровой Чехов сформулирует своего рода закон, позволявший ему определять, что годится для литературы, а что нет: «Больных много, но всё это *материал, интересный для психиатра, а не для психолога*», – пишет он Суворину (П. 5, 296). Шавровой: «Лично для себя я держусь такого правила: *изобра-*

жаю больных лишь постольку, поскольку они являются характерами или постольку они картинны» (П. 6, 30). Одним из аргументов против включения рассказа в собрание сочинений Маркса был, возможно, как раз перевес психиатрического начала в образе Кузьмы Шквореня по отношению к художественному.

Даже по прошествии почти четверти века после «Встречи» некоторые исследователи будут отмечать повышенную значимость медицинского начала в ряде произведений Чехова. Так, Д. Н. Овсяннико-Куликовский писал, что в драме «Иванов» «вторжение медицинской точки зрения в искусство противоречит устоявшимся у нас литературным понятиям и вкусам» [Овсяннико-Куликовский 1911: 100].

Всегда ли искусство идёт вслед за наукой? Чехов считал, что иногда в роли первопроходца оказывается не наука, а как раз искусство. В феврале все того же 1887 года, то есть перед созданием «Встречи», в черновике письма к Д. В. Григоровичу Чехов сделал важное замечание, отметив «способность художников опережать людей науки» (П. 2, 360). Такое заключение могло возникнуть у Чехова в том числе и в результате посещения им учёных заседаний съезда врачей.

Представив в очерке два типа преступников, Максимов не пытался дать ответ на вопрос, почему Зыков остался таким же, как и прежде, почему не произошло его «исправления» на каторге? За очеркиста отчасти это делает Чехов. Максимов не находит ответа, потому что он лежит в сфере компетенции не столько писателя, сколько клинициста и диагноста. Доктор Чехов диагностирует Кузьму Шквореня, а через него и Зыкова, как людей с искаженной психосоматикой, которую невозможно изменить в силу её органичности, а потому и «исправление» преступника, которое хотел бы видеть Максимов, невозможно. Большую личность надлежит в первую очередь лечить, а не исправлять.

Дополнительное значение произведения Максимова связано с тем, что его очерк играет роль отсылки к месту его публикации, к конкретному номеру конкретного журнала. В том же февральском номере «Русской мысли» за 1887 год, под одной обложкой с «Двумя пустосвятами», опубликована большая статья «Экскур-

сии в область психиатрии». Автором её был русский философ-позитивист Владимир Викторович Лесевич (1837–1905). Он окончил Инженерное училище, потом обучался в Генеральном штабе. Поэтому статья его по условиям образования, а также по месту своей публикации является не строго научной, а научно-популярной, реферативной. В этом её отличие от медицинских работ Корсакова. Есть основания полагать, что при написании «Встречи» Чехов воспользовался и материалом статьи Лесевича. Прочитав в журнале очерк Максимова, что не подлежит сомнению, вряд ли Чехов оставил без внимания помещённую в том же номере статью об остро интересовавшей его психиатрии.

Автор «Экскурсий в область психиатрии» утверждает, что «психическая дегенерация, выражающаяся в разного рода психических болезнях <...>, всегда почти имеет и внешнее выражение или, как говорит Морель, свой “типический отпечаток”» [Лесевич 1887: 13]. За странной внешностью Зыкова из очерка Максимова стоит традиция очерковой фактографичности и правдоподобия. За странной внешностью чеховского Шквореня – стремление автора передать обобщённый и вместе с тем конкретный образ психически нездорового человека. При этом Чехов соотносится с научными данными, даже отчасти стилизует язык науки («затылочная часть черепа»), оставаясь при этом в рамках беллетристики. Возможно, Чехов использовал материал статьи Лесевича как ближайшую (а главное – доступную для широкой читательской аудитории) научную базу для изображения психики и поведения Кузьмы Шквореня.

Статья «Экскурсии в область психиатрии» является ещё одним источником интертекстуальных связей для рассказа Чехова. Так, Лесевич пишет: «Существует род мании, встречающейся весьма нередко, проявления которой почти тождественны с проявлением легкого опьянения. Больной обнаруживает известную степень возбуждённого состояния, мысли его текут с большой быстротой, но связываются между собою не столько логической или естественной ассоциацией, сколько разнообразными душевными волнениями данного момента или какою-нибудь случайной связью, например, сходством слов и т. п. Речь больного становится, таким образом, если не бессвязною,

то непоследовательно. Больные этого рода большею частью лукавы и злонамеренны. Хотя они и не способны к сдерживанию своих импульсов, но могут, однако же, *как то нередко случается с пьяными,* скрытничать и вести речь так, что невозможно становится отличить их от здоровых» [Лесевич 1887: 17]. Ср. в рассказе: «Был он трезв, но *шел, точно пьяный,* размахивая руками, то сбоку телеги, то впереди...» (С. 6, 120). «Ни на минуту не умолкая, он рассказывал опять про людей, живущих в свое удовольствие, про арестантскую и немца, про острог, одним словом, про все то, о чем рассказывал вчера» (С. 6, 129). Так Чехов осуществляет «перевод» с научно-популярного дискурса на художественный дискурс.

Для многих сюжетных ходов рассказа Чехова в статье Лесевича отыскиваются смысловые параллели. Так, легкий переход Шквореня от цинизма к раскаянию по поводу своей кражи и возврат к исходному состоянию находит такое обоснование у публициста: «Смотря по возбуждающим их мотивам, для них и порок, и добродетель могут быть одинаково доступны» [Лесевич 1887: 15].

Одним из признаков психически нездорового человека может быть его явно выраженное астеническое телосложение. (Позже эта проблема будет подробно разработана в книге Эрнста Кречмера «Körperbau und Charakter», вышедшей в 1921 году). Чехов передаёт астеничность героя средствами беллетристики, с помощью фамилии Кузьмы – Шкворень. По Далю, слово «шкворень южнорусского происхождения и обозначает “болт, штырь, сердечник, курок, стержень”» [Даль 1990: 625]. Ср. в рассказе – «длинноногий мужик лет 30-ти» (С. 6, 118). Скорее всего, Шкворень – это кличка, отражающая телосложение героя и ставшая его фамилией.

В каких случаях Чехов актуализировал своё сознание именно доктора, диагноста? Прежде всего, в тех случаях, когда ему приходилось иметь дело с нездоровыми людьми, когда к нему обращались за медицинской помощью. Суворину Чехов как-то написал, что для того характерна «привычка глядеть на всё оком публициста» (П. 3, 70). Чехов же на многие вещи и на людей даже вне своей врачебной практики смотрел оком доктора. Взгляд его, врача и писателя, в начале 1887 года был направлен

на своих старших братьев, Александра и Николая. Подобно тому, как художник подбирает для картины натурщиков, чтобы затем в художественно преображённом виде перенести их на своё полотно, так и у Чехова были свои «натурщики».

Обратимся к событиям февраля и марта 1887 года, предшествовавшим созданию рассказа. 8 марта, получив телеграмму о болезни Александра, Чехов выезжает в Петербург, где в это время свирепствовал тиф. Едет он и как брат, и, конечно, как доктор. 10 марта сообщает родным: «Ехал я, понятно, в самом напряженном состоянии. Снились мне гробы и факельщики, мерещились тифы, доктора и проч. <...> Александр абсолютно здоров. <...> У Анны Ивановны (гражданская жена брата – А. К.) настоящий брюшной тиф, но не тяжелый. <...> Мне страшно» (П. 2, 35-36). 11 или 12 марта сестре пишется отдельное письмо, в котором открываются дополнительные детали: «Александра с его упавшим духом и *наклонностью к шифе* оставить нельзя до выздоровления его барыни. <...> Алекс<андр> здоров. *Я проехался напрасно.* <...> Пока вообще скверно. *Чувствую <себя> висящим между небом и землей*» (П. 2, 37).

Рассказ «Встреча» явно писался под впечатлением встречи с братом и его семьёй и далеко не в добром расположении духа. О своём состоянии Чехов пишет Ф. О. Шехтелю в тот же день, что и сестре: «Вам, конечно, уже известно, что обстоятельства самого поганого и ерундистого свойства неожиданно-негаданно погнали меня на север. Вообще мне везет... <...> Нервы расстроены ужасно, так что пульс мой бьёт с переборами» (П. 2, 37). Однако вскоре настроение меняется, что отражает письмо родным, написанное 13 марта: «Сим извещаю, что я жив и здоров и тифом не заразился. Сначала я хандрил, ибо скучал и страшился безденежного будущего, но ныне чувствую себя положительно и с характером» (П. 2, 38). Последние слова бытовали в семейном словаре Чеховых, они передают возвращение писателя к привычной легкой ироничности, свидетельствующей о нормализации его духа.

Отголосок былого раздражения и даже злости будет звучать в первом письме к Александру после возвращения Чехова

из Петербурга в Москву. Оно начинается с грубого и резкого обращения к брату: «Ничтожество!» (П. 2, 44). Однако уже вскоре другое письмо Чехов начнет совсем иначе, передавая свое скрытое покаяние: «Душа моя!» (П. 2, 55).

В Кузьме Шкворене, который является гибридным, композитным образом, несомненно, есть элементы, списанные с Александра как одного из «натурщиков». Особенно они заметны в финале рассказа, данном в форме безличного объективного повествования: «Ни на минуту не умолкая, он рассказывал опять про людей, живущих в свое удовольствие, про арестантскую и немца. Про острог, одним словом, про все то, о чем рассказывал вчера. И он хохотал, всплескивал руками, благоговейно пятился, точно рассказывал что-нибудь новое. Выражался он складно, на манер бывалых людей, с прибаутками и поговорками, но *слушать его было тяжело*, так как он повторялся, то и дело оттаивался, чтобы вспомнить внезапно потерянную мысль и при этом морщил лоб и кружился на одном месте, размахивая руками. *И как он хвастал, как лгал!*» (С. 6, 129). Обратим внимание на выделенное безличное предложение в составе сложного. Предшествующий текст дает основания утверждать, что *слушать было тяжело* Ефрему. Но не только ему. Безличная форма позволяет этот эмоционально-оценочный фрагмент связать в том числе и с автором, занимающим позицию внаходимости по отношению к художественному миру рассказа, а также и с биографическим автором, реальным человеком. Завершающее текстовый фрагмент предложение с риторическим восклицанием тоже оказывается двунаправленным: как на героя рассказа, так и на связанный с ним прототип. В акте творческой сублимации Чехов даёт выход своему негодованию на недостойное поведение брата. Кроме того, «Встреча» позволяет увидеть, как в прозе Чехова формировался свободный косвенный дискурс, отличающийся как от перволичного нарратива, так и от безличного, аукториального.

Второй брат Чехова, Николай, был похож на Александра во многих отношениях – лживостью, беспутностью, склонностью к злоупотреблению алкоголем. Ср. в письме Чехова от 22 или 23 февраля 1887 года: «Николай уже три дня живет

у меня. Уверяет, что разошелся со своим бергамотом (ироническое именование сожительницы Николая – А. К.), и корчит из себя влюбленного в Наденьку. Ежеминутно толкует о жеманстве и собирается к Малышеву. *Как это ни пусто*, но перемена в нем заметна громадная. Рисует он превосходно, *пьет сравнительно немного* и о Шостаковском не говорит» (П. 2, 33).

Хроническая алкогольная интоксикация обоих братьев – важный компонент имплицитного биографического фона рассказа, даёт добавочные основания говорить об алкогольном параличе как научной основе образа болезни Кузьмы Шквореня.

Заголовок «Встреча» может быть истолкован двояко: и как отражение структурообразующего хронотопа рассказа, и как отголосок реальной встречи Чехова с братом Александром в марте 1887 года. Куда более жёсткой и даже жестокой оказывается другая оценка братьев писателя, которая возникает при отсылке к очерку Максимова – «Два пустосвята». Напомним, что пустосвят означает ханжу, лицемера, суетного человека. Быть может, не без влияния заглавия журнального очерка в письме с характеристикой Николая возникла показательная оговорка – *как это ни пусто*.

Подведем итоги. Максимов, размышляя о судьбе своих героев, оказался не способен подняться до глубокого обобщения рассматриваемого им явления, остался в рамках очерковой фактографичности и фотографичности. Лесевич, не являясь практикующим врачом, в научно-популярной реферативной статье не иллюстрирует медицинские выкладки образцами из современной русской жизни. Чехов в известной степени преодолевает ограниченность обоих авторов. Он опирается на научные достижения психиатрии, воплощённые в медицинских трудах Корсакова и парамедицинской работе Лесевича, и вдобавок к этому имплицитно подключает факты биографического характера. Художественный дискурс оказывается способен к переработке и синтезированию весьма разнородного дискурсивного материала.

«Встреча» представляет собой образец выдвижения рассказа на пограничную полосу с другими жанрами и другими дискурсами. Быть может, одна из самых трудных задач для Чехова заключалась в том, чтобы не перейти невидимой границы, ос-

ваивая опыт и содержательные возможности очерка, сугубо научных текстов и научно-популярной статьи, соблюсти во всём мере и остаться при этом в рамках беллетристики. Гетерогенные дискурсы в пространстве рассказа подвергались «снятию», включаясь в текст произведения в форме «рассеянного разноречия» [Бахтин 1975: 130]. В дальнейшем приобретённый писателем опыт по интериоризации и транспозиции публицистического, научного и биографического материала в ткань художественного произведения будет совершенствоваться в «Скучной истории», «Дуэли», «Черном монахе» и во многих других.

ЛИТЕРАТУРА

Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: Переписка. Дневники. Воспоминания. Статьи / сост., статьи, подгот. текстов, примеч. А. С. Мелковой. М. : Русский путь, 2005. 480 с.

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М. : Худож. лит., 1975. 496 с.

Гоголь Н. В. Собрание сочинений : в 7 т. М. : Худож. лит., 1966. Т. 1. 384 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Репр. изд. 1882 : в 4 т. М. : Русский язык, 1990.

Катаев В. Б. Литературные связи Чехова. М. : Изд-во МГУ, 1989. 261 с.

Корсаков С. С. Расстройство психической деятельности при алкогольном параличе и отношении его к расстройству психической сферы при множественных невритах неалкогольного происхождения // Вестник клинической и судебной психопатологии и неврологии. 1887 а). Т. 4. Вып. 2. С. 1-102.

Корсаков С. С. К учению о патогенезе «атрофического спинального паралича» и «множественного неврита» // Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии. Харьков, 1887 б). Т. IX. Ч. 1. С. 16-38.

Корсаков С. С. Расстройство психической деятельности при алкогольном параличе. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 164 с.

Л. Н. Толстой и А. П. Чехов. Рассказывают современники, архивы, музеи / статьи, подготовка текстов, примеч. А. С. Мелковой. М. : Изд-во «Наследие», 1998. 392 с.

Лакшин В. Я. Толстой и Чехов. М. : Сов. писатель, 1976. 456 с.

Лесевич В. Экскурсии в область психиатрии. 1. О психическом вырождении // Русская мысль. 1887. № 2. С. 1-34 (вторая пагинация).

Летопись жизни и творчества Чехова. М. : Наследие, 2000. Т. 1. 1860–1888. 512 с.

Максимов С. Два пустосвята (Из воспоминаний) // Русская мысль. 1887. № 2. С. 18-42.

Овсянко-Куликовский Д. Н. Собр. соч. : в 9 т. СПб. : Изд-во «Общественная польза» и книгоиздательства «Прометей», 1911. Т. 9. История русской интеллигенции. Ч. 3. 80-е годы и начало 90-х. 224 с.

Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова. М. : Соцэкгиз, 1939. 567 с.

Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. М. : Наука, 1983–1988.

Чудаков А. П. Мир Чехова. М. : Сов. писатель, 1986. 384 с.

Щепкина-Куперник Т. Л. Дни моей жизни. М. : Изд-во «Федерация», 1928. 327 с.

Ясинский И. И. Роман моей жизни. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1926. 360 с.

REFERENCES

Anton Chekhov i ego kritik Mikhail Men'shikov: Perepiska. Dnevnik. Vospominaniya. Stat'i / sost., stat'i, podgot. tekstov, primech. A. S. Melkovoy. M. : Russkiy put', 2005. 480 s.

Bakhtin M. M. Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let. M. : Khudozh. lit., 1975. 496 s.

Gogol' N. V. Sbranie sochineniy : v 7 t. M. : Khudozh. lit., 1966. T. 1. 384 s.

Dal' V. I. Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. Repr. izd. 1882 : v 4 t. M. : Russkiy yazyk, 1990.

Kataev V. B. Literaturnye svyazi Chekhova. M. : Izd-vo MGU, 1989. 261 s.

Korsakov S. S. Rasstroystvo psikhicheskoy deyatel'nosti pri al-kogol'nom paraliche i otnoshenie ego k rasstroystvu psikhicheskoy sfery pri mnozhestvennykh nevitakh nealkogol'nogo proiskhozhdeniya // Vestnik klinicheskoy i sudebnoy psikhopatologii i nevrologii. 1887 a). T. 4. Vyp. 2. S. 1-102.

Korsakov S. S. K ucheniyu o patogeneze «atroficheskogo spinal'nogo paralicha» i «mnozhestvennogo nevrита» // Arkhiv psikhiiatrii, nevrologii i sudebnoy psikhopatologii. Khar'kov, 1887 b). T. IX. Ch. 1. S. 16-38.

Korsakov S. S. Rasstroystvo psikhicheskoy deyatel'nosti pri al-kogol'nom paraliche. M. : Izd-vo LKI, 2010. 164 s.

L. N. Tolstoy i A. P. Chekhov. Rasskazyvayut sovremenniki, arkhivy, muzei. / Stat'i, podgotovka tekstov, primech. A. S. Melkovoy. M. : Izd-vo «Nasledie», 1998. 392 s.

Lakshin V. Ya. Tolstoy i Chekhov. M. : Sov. pisatel', 1976. 456 s.

Lesevich V. Ekskursii v oblast' psikhiiatrii. 1. O psikhicheskom vyrozhdenii // Russkaya mysl'. 1887. № 2. S. 1-34 (vtoraya paginatsiya).

Letopis' zhizni i tvorchestva Chekhova. M. : Nasledie, 2000. T. 1. 1860–1888. 512 s.

Maksimov S. Dva pustosvyata (Iz vospominaniy) // Russkaya mysl'. 1887. № 2. S. 18-42.

Ovsyaniko-Kulikovskiy D. N. Sobr. soch. : v 9 t. SPb. : Izd-vo «Obshchestvennaya pol'za» i knigoizdatel'stva «Prometey», 1911. T. 9. Istoriya russkoy intelligentsii. Ch. 3. 80-e gody i nachalo 90-kh. 224 s.

Pis'ma A. P. Chekhovu ego brata Aleksandra Chekhova. M. : Sotsekgiz, 1939. 567 s.

Chekhov A. P. Poln. sobr. soch. i pisem : v 30 t. M. : Nauka, 1983–1988.

Chudakov A. P. Mir Chekhova. M. : Sov. pisatel', 1986. 384 s.

Shchepkina-Kupernik T. L. Dni moey zhizni. M. : Izd-vo «Federation», 1928. 327 s.

Yasinskiy I. I. Roman moey zhizni. M. ; L. : Gos. izd-vo, 1926. 360 s.